

И.Н. МИНЕЕВА

(Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск, Россия)

УДК 82-1
ББК 442.6.83

ПРИРОДНЫЕ СТИХИИ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКО-ШВЕДСКОЙ ПОЭТЕССЫ РЕГИНЫ ДЕРИЕВОЙ¹

Аннотация. Статья посвящена творчеству неизвестной в России поэтессы Р. Дериевой, эмигрировавшей в 1991 году в Швецию. В центре нашего внимания – анализ ключевых в религиозно-философском наследии поэтессы образов природных стихий. Р. Дериева приоткрыла для читателей свою поэтическую карту и расшифровала ее при помощи универсальных элементов Вселенной – воды, огня, воздуха, земли. Природные стихии – это «фиксаторы» географического пребывания и экзистенциальных переживаний лирической героини. Кроме того, это силы, которые то уничтожали, то воскрешали ее, то дарили ей покой и радость «высматривать звезды на небе» и видеть Вечность «в каждом цветке, в каждой птице, в каждой звезде, в каждом человеке».

Ключевые слова: Регина Дериева, литература русского зарубежья, современная религиозно-философская поэзия, природные стихии, современная шведская литература,

Регина Дериева (род. 1949, Одесса) – русская поэтесса-эмигрантка третьей волны, прозаик, переводчик. В России ее религиозно-философское творчество почти неизвестно. Поэзия Р. Дериевой – о поиске человеком своего Бога, величии и непостижимости божьего творения, ценности пространства и пагубности «текущего момента», сопротивлении реальности и преодолении смерти. В центре ее внимания – феномены предчувствия и убеждения, природа желания и отчужденности, утешения и ожидания, «словоулавливания» и «проникновенности» слов. Итальянский кардинал и ватиканский дипломат Андреа ди Монтеземоло сказал, что стихи Р. Дериевой «вдохновляют ... на паломничество»². Шведский славист Б. Янгфельдт подчеркнул их «метафизический» характер³. Литовский переводчик и литературовед Т. Венцлова увидел в поэзии Р. Дериевой явление «крупное и не-

---

¹ Статья подготовлена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития Петрозаводского государственного университета на 2012–2016 годы по подпроекту «SCANDICA: культурные конвергенции».

² Дериева Р. Собрание дорог: В 2 т. Т. 2. – СПб., 2006. Форзац.

³ Там же.

обычное»⁴. «Она существует, – писал он, – как бы вне времени – точнее, во времени Ветхого Завета и Апокалипсиса ... В ее творчестве присутствует память о Слове, о Псалтыри и Пророках, о ясности и первозданности евангельских притч»⁵. Схожую мысль высказывал и И. Бродский, говоря о том, что «Вы, Регина, действительно этот случай: большой поэт <...> Подлинное авторство тут – самой поэзии, самой свободы. Оно ближе к Вам, чем Ваше перо к бумаге. Ничего похожего я ни у кого давно не встречал: ни у соотечественников, ни у англоязычных. И я более-менее догадываюсь – слышу – какой ценой Вы до этой точки – над жизнью, над собой – добрались; радость от чтения поэтому еще и душераздирающая»⁶. Русская эмигрантка И. Машинская отметила, что стихи Р. Дериевой – это «победившее ужас сознание», оттого они так «современны – и своевременны»⁷. Поэтесса смотрит на себя и на мир сквозь призму природных стихий. Изменчивые образы воды, огня, земли, воздуха – отражение авторского мировидения, а также небесных и земных метаморфоз. Идея поиска и познания бытия отражена в названиях ее сборников стихотворений, поэм, эссе «Отсутствие» (Нью-Йорк, 1993), «Беглое пространство» (Стокгольм, 2001), «Последний остров» (Стокгольм, 2002), «Himmelens Geometri» (Stockholm, 2003), «Собрание дорог» (Санкт-Петербург, 2004-2006), «Alien Matter» (New York, 2006), «Oavbrutet svarta bilder» (Goteborg, 2007), «The Sum Total of Violations» (UK, 2009), «Corinthian Copper» (Michigan, 2010) и др. В настоящее время Р. Дериева проживает в Швеции. Данная статья открывает цикл работ, посвященных ее творчеству.

***

В эссе «О времени, вещах и явлениях» Р. Дериева заметила, что «каждый человек имеет свою карту», где «кружочками обозначены значительные встречи, точками – незначительные», где «пути-дороги скрещиваются с руслами рек, а оседлый образ жизни с лесами, полями, морями и океанами»⁸. «Прямыми линиями вычерчивается реальность, а пунктирными – сны». Карта наша – «темный лес для других,

---

⁴ Венцлова Т. Вступительная заметка к английским переводам стихов Регины Дериевой // Звезда. – 2000. – № 5.

⁵ Там же.

⁶ Бродский И. Письмо Регине Дериевой // Звезда. – 2000. – № 5.

⁷ Машинская И. Регина Дериева. Последний остров; Беглое пространство // Знамя. – 2003. – № 11.

⁸ Дериева Р. О времени, вещах и явлениях // Дериева Р. Собрание дорог: В 2 т. Т. 2. – СПб., 2006. С. 122.

если только мы сами не расшифровываем всех ее обозначений»⁹. Какова поэтическая карта «улиц», «звезд», «вещей», «помыслов» Р. Дериевой?

На поэтической карте Р. Дериевой одновременно зафиксированы и трагические, и благодатные эпизоды. «Одна реальность, – напишет поэтесса в одном из своих любимых эссе-откровений, – бежит рядом с другой реальностью, как рельсы»¹⁰. Эта «карта бесконечна, как пространство, вместившее в себя многочисленные места и действия нашей жизни»¹¹. В Советском Союзе Р. Дериева была признана «врагом». ЦК партии и КГБ видели в ней «вредного» для советской идеологии писателя¹². Она же не принимала «большевизм», полагая, что «принять большевизм, даже сочувствовать большевизму значит лишить себя благодати, променять Вечность на время»¹³. В ее жизни было три эмиграции. Вначале Казахстан, затем Израиль, наконец, Швеция. В первых двух она не жила, а выживала. Одесса и Казахстан, Израиль и Швеция – противоположные берега одной человеческой жизни. Одесса – потерянный Рай. Казахстан и Израиль – Ад. Швеция – обретенный Рай. Оказавшись с родителями в Казахстане, она поняла, что такое «горечь жизни», что такое «война» и «брань» духовная и политическая. «Я лишилась, – вспоминает Р. Дериева, – сразу всего: моря, фруктовых садов, каштанов и акаций, переулков и улиц Одессы»¹⁴. В казахстанских степях «всегда мародерствовал ветер, не давая на голом месте образоваться культурному слою. Там не было весны и осени: с окончанием адской зимы начиналось адское лето. Не зря Сталин выбрал именно эту часть страны для своих лагерей, где человек не успевал жить, думая лишь о том, как бы выжить ... Никогда нельзя было точно знать, доберешься ли ты по канату, протянутому вдоль улицы, до школы, или тебя унесет в степь. Нельзя было знать, не провалишься ли ты в яму, не окоченеешь ли, вернешься домой, откуда тебя, маленького человека, не уверенного в том, что он станет большим, снова выводят в сорокаградусный мороз»¹⁵. В 1991 году Р. Дериева эмигрировала с семьей в Израиль, где восемь лет прожила на монастырском кладбище в Иерусалиме без национальности, гражданства, докумен-

---

⁹ Дериева Р. О времени, вещах и явлениях. С. 122–123.

¹⁰ Там же. С. 123.

¹¹ Там же. С. 123.

¹² Там же. С. 120.

¹³ Дериева Р. Сверх // Дериева Р. Собрание дорог: В 2 т. Т. 2. – СПб., 2006. С. 131.

¹⁴ Дериева Р. Без четверти Рай // Дериева Р. Собрание дорог: В 2 т. Т. 2. – СПб., 2006. С. 73.

¹⁵ Там же. С. 73–74.

тов, вида на жительство¹⁶. Первоначально гонимая, а затем и выдворенная израильскими властями из страны во время своей поездки в Швецию на международную конференцию Р. Дериева была объявлена в 1997 году «врагом» без права возвращения. На этот раз камнем преткновения стал мотив конфессиональный. Еще в 1990 году в карагандинском церковном приходе Р. Дериева приняла католическое крещение¹⁷. Израильские власти не признавали ее вероисповедание. В 1998 году шведское правительство предоставило семье Р. Дериевой убежище. Швеция, как когда-то город детства Одесса, стала для нее в некотором смысле «филиалом Рая», островом, «бросившимся навстречу тонущему ... из последних сил плывущему»¹⁸. Здесь, на земле скандинавов, она вновь обрела некогда утраченную религиозную и творческую свободу и дом.

Р. Дериева приоткрыла для читателей свою поэтическую карту и расшифровала ее при помощи, говоря словами самой же поэтессы, «азбуки Морзе» и «языка Евклида»¹⁹. Символическими кодами, «буквами», «цифрами», «знаками препинания» и «сигналами» стали четыре основополагающие универсальные элементы Вселенной – вода, огонь, воздух, земля. Природные стихии являются у Р. Дериевой не только «фиксаторами» географического пребывания и экзистенциальных переживаний alter ego лирической героини, но и «силой» ее карающей, разрушающей, неожиданно вмешивающейся, спасающей и направляющей. Вода, огонь, воздух, земля – аксиомы, запечатлевающие в поэзии Р. Дериевой постоянно изменяющиеся состояния мироздания. Частное пребывание лирической героини на земле неразрывно связано с характеристикой поднебесной. «Переменная облачность ... таким был регулярный прогноз, – вспоминала Р. Дериева о своем детстве, – моей жизни. В доме моих родителей всегда было пасмурно, на улице тоже нечасто выдавались хорошие деньки»²⁰. Другой пример. «На отрыв от земной почвы, на воздушный путь требуется сверхусилие»²¹. Или «только некоторым придется переплыть океан собственной отчужденности»²².

В зависимости от «момента» каждая из стихий принимает, как хамелеон, многообразные, быстро сменяющиеся амбивалентные цвета,

---

¹⁶ Дериева Р. Сверх. С. 129.

¹⁷ Дериева Р. О времени, вещах и явлениях. С. 120.

¹⁸ Дериева Р. Другая жизнь // Дериева Р. Собрание дорог: В 2 т. Т. 2. – СПб., 2006. С. 102.

¹⁹ Дериева Р. О времени, вещах и явлениях. С. 123.

²⁰ Дериева Р. Сверх. С. 127.

²¹ Там же. С. 130.

²² Дериева Р. Другая жизнь. С. 101.

смыслы, функции. Знаками каких внутренних и внешних событий стала та или иная первозданная стихия в доэмигрантский и эмигрантский периоды творчества Р. Дериевой?

ВОДА

К стихии воды поэта постоянно обращается на протяжении всего своего творческого пути. Чаще всего образ воды связан с судьбой героини и осмыслением ею происходящего.

В одесский период наиболее употребляемым вариантом водной стихии стал образ Черного моря. В стихотворениях, посвященных городу детства, Р. Дериева часто обращается к синему цвету как символу моря, младенческих воспоминаний и беззаботного нежного возраста:

*Кровь у меня
голубая. Море мне мать
и отец
(«Письма в Сорбонну»)²³*

*Что там несет? Ну конечно, пакет
синего цвета. Младенческий цвет
родины небо и море
(«Бабки подбить и итоги подвесь»)*

В казахстанский период водная стихия отражает состояние потерявшей родину героини. На данном этапе наиболее частым вариантом первостихии становится образ слезы. В поэзии Р. Дериевой слезы связаны с тяжелой судьбой и страданием, которые выпали на долю очевидцев войны в Казахстане. В стихотворении «Слеза» героиня просит своего возлюбленного разделить с ней горе, проплакав одну слезу на двоих:

*Объятье тесным будет снова,
мы друг от друга лица спрячем.
Не надо вдоха, взгляда, слова-
Давай одну слезу проплачем
(«Слеза»)*

Вода теряет теперь свойства текучести и подвижности, перевоплощаясь в образ материальный. В стихотворении «Сумма ассоциа-

---

²³ При цитировании фрагментов из стихотворений Р. Дериевой сохраняется авторская орфография и пунктуация. В тексте указывается название стихотворения в скобках после процитированного фрагмента, т.к. источники публикаций разные.

ций» Казахстан предстает в образе тюрьмы, в которой положено только проливать слезы и вспоминать об Одессе как утраченном рае:

*Ничего не дадут
кроме плача.
Объяснят – не положено боле
("Сумма ассоциаций")*

В израильской эмиграции образ воды эволюционирует и выступает уже в качестве грозной разрушающей силы. Отрицательным ее вариантом становится образ льда. В жизни героини лед – это не только символ вечной мерзлоты в природе, но и некое Зло, лишаящее ее свободы и дара творить:

*Пусть крыши не было и нет,
пусть в лед закована равнина
(«Лишить сумели на года ...»)*

*Пора отрывная, как в календаре
уже по лопатки загнавшая в лед
(«Фламандские, пышные формы зимы ...»)*

Если в первых трех периодах как вариант водной стихии чаще всего выступало соответственно море, слезы и лед, то в шведском на первый план выходит образ океана. В стихотворении «Северо-восточные штаты» океан символизирует как приобретенный героиней жизненный опыт и мудрость, так и тайну мироздания:

*Океан – это море в квадрате и кубе,
это даль, что становится жизненным взглядом
(«Северо-восточные штаты»)*

*Кто откроет тебя, океан, всем разбегом,
Кто споткнется о край твой и берег, о где-то,
Чего не было прежде, не будет и позже
(«Северо-восточные штаты»)*

В шведской эмиграции изменяется и семантика образа слезы. Теперь это не символ горя и безысходности, как в казахстанской и израильской эмиграции, а стихия, способная точить камень:

*Но взгляд, его сопровождавший,
давал прощенья пропавшим*

*и павшим, в нем была слеза –
вода, что точит даже камень
(«Из цикла “Апостолы”»)*

Вода – гибкое и податливое вещество, берущее вверх над самым твердым. Она противоположна камню. Будучи твердым, камень истирается и разбивается, а вода – вечно движется. Своей неподвижностью камень воплощает то, что дошло до предела и застыло в своих очертаниях. Вода же символизирует жизнь и победу над смертью.

Первостихия воды – это своеобразное испытание героини и ступени ее духовного «роста». От нежности и детской ласки (Черное море) через противостояние Злу (слеза, лед) к обретению Дома, свободы и воли.

ОГОНЬ

В художественном мире Р. Дериевой огонь связан со множеством разнообразных явлений и вещей в мире божественном, природном и человеческом. Между тем эта первостихия встречается только в эмигрантской жизни поэтессы и фигурирует в прямо противоположных значениях: от «оплотненного» в казахстанской и израильской (огонь – дым, пепел, зола, костер) до одухотворенного и божественного в шведской (огонь – свет, свеча, пламя).

В казахстанский период огонь чаще всего предстает как образ «реалистический» – свидетель бесчеловечности и ужасов войны, свидетелями и жертвами которых стали обычные люди:

*Но пусто не бывает место свято:
здесь топчется Эдип, здесь плачет Лир.
Здесь иногда с окраины ребята
через огонь рассматривают мир.
Здесь повода для радости не сыщешь
Здесь даже град не град, а камнебой
(«Маршрут № 9»)*

Израильская эмиграция породила еще один вариант образа огня. Первостихия начинает проявлять себя в виде костра как аллегории враждебной силы и орудия борьбы с инаковерующими:

*Всех в конце концов замучили
по установившейся традиции:
кого бросили на растерзание
львам и неронам,
кого сожгли на костре
(«Всех в конце концов убили»)*

Поэтесса не случайно переносит читателя во времена правления римского императора Клавдия Нерона (37–68 гг. н.э.). Согласно христианской истории, Нерон был первым гонителем христиан и организатором казней свв. Петра и Павла. Аналогичная на символическом уровне ситуация постигла и Р. Дериеву. Израильские власти всячески препятствовали ей в получении гражданства из-за иных религиозных взглядов.

В шведский период образ огня выступает уже в совершенно другой ипостаси. Огонь становится связующим звеном между Богом и человеком, единственным источником света, надежды, веры в абсолютном мраке, оказывающим благодатное, «просвещающее» воздействие на мир:

*Но открывая небосвод
страницей Нового Завета,
ты узнаешь, что мрак и лед
здесь станут пламенем и светом.
("С движеньем и движеньем без")*

*Все прочее состыковалось,
и стало цельным, чтобы Свет
рассеял иудейский хаос
и доказал, что смерти нет
("Крестный путь")*

Стихия огня в этот период связана и с образом пламени. Теперь пламя противопоставлено тлену. Оно символизирует жизнь, требующую перемен:

*Так страшно прозвучало это,
так мягко: «Лазарь! Выйди вон».
От шепота и грома Света
встал мертвый между горьких жен.
Глаза его открыты были,
но был в глазах его не тлен,
не участь праха или пыли,
а свет и пламя перемен
("Воскрешение Лазаря")*

В стихотворении «Апостолы» стихия огня представлена в образе божественного пламени:

*И Петр тер и тер глаза
Пока не вспыхнуло в них пламя
любви ... По-прежнему костер
дымил, и наполнялся двор
неистовством и гулкой бранью
(«Из цикла “Апостолы”»)*

Только духовный пламень может помочь человеку осознать свою принадлежность Вселенной. Стихия огня способна проникать в мир человеческой души. Во второй части стихотворения вводится образ Иоанна Богослова. Именно ему было дано Ангелом прозрение тайн бытия и дар заглянуть в будущее:

*Ангел книгу поднес, значит, надо глотать,
чтобы Альфа сменилась Омегой вещей.
«Иоанн, – приказали, – иди и смотри!»
И пошел, и смотрел через Свет и Огонь.
Семь печатей узрел, видел времени три
и на всех трех отмечено было, что бронь,
что все три только Сын в одну точку сведет,
и начнется с конца новый день, новый Град
(«Из цикла “Апостолы”»)*

Неразрывная связь огня с Богом подтверждается непосредственно через опыт Иоанна Богослова. Истину можно увидеть только смотря на мир через божественный огонь.

Стихия огня в поэзии Р. Дериевой запечатлевает внутреннюю эволюцию лирической героини. Она познала в своей жизни разную силу и природу огня – войны, брани, ненависти, Бога.

ВОЗДУХ

Воздушная стихия проявляет себя только в эмигрантском творчестве в следующих вариантах: казахстанский – ветер, вьюга, буран, воздух; израильский – пурга, воздух; шведский – ветер.

В первый казахстанский период ветер выступает как враждебная сила, пытающаяся препятствовать лирической героине в возможности творческого самовыражения:

*Здесь скрыться негде, некуда забиться.
Здесь проволока пахнет и цветет.
Здесь самая безлюдная страница.
Здесь ветер затыкает кляпом рот
(“Маршрут № 9”)*

*Мелькают каменные лица
и фараонов и жрецов.
И жизнь от холода дымится,
чтобы сгореть в конце концов
("И длится снег ...")*

*Буран, хвативший через край
кумыса воздуха степного,
из губ выхватывал – отдай! –
непредусмотренное слово
(«Буран, хвативший через край»)*

Однако в стихотворении «Глаза слипаются так рано...» природная стихия уже не в силах противостоять желанию героини нести Слово в мир:

*Луженой глотки не заткнуть.
С цепи сорвавшаяся вьюга
пространство шьет и сеет мусть,
чтоб зренья сместился угол
(«Глаза слипаются так рано...»)*

Вьюга, подобно обозлившемуся неуправляемому существу, терзает лирическую героиню, стремится помешать ей, проникнуть в ее внутренний мир и «сломоть» его изнутри. Подобная характеристика воздушной стихии представлена и в стихотворении «В точке пересечения»:

*Мне бы вспомнить, что я человек,
но мешает взбесившийся ветер
(«В точке пересечения»)*

Образ ветра представлен также в виде времени – времени советского. Под воздействием жестокой реальности разрушается привычный для героини космос и гармония. Разрушительная сила ветра проявляется в мрачных пространственных или событийных зарисовках. Непрерывным спутником воздушной стихии выступает холод и смерть:

*За гробом холод шел и ветер.
Тянулся тусклый день за гробом
(«27 марта»)*

Если в казахстанский период стихия воздуха была связана в большей степени со временем, то в израильский она отождествляется

прежде всего с негативной пространственной характеристикой местоположения героини. Показательным является стихотворение «Февраль. От крапивы мороза», в котором образ воздуха представлен в облике пурги как агрессивной силы:

*И в этой пурге окаянной
среди первобытной тоски.
И дико, и страшно, и рано...
И в жертву приносят барана.
И льдом натирают виски*
(«Февраль. От крапивы мороза»)

В основе стихотворения лежит библейский сюжет о жертвоприношении Исаака. В трактовке ветхозаветной истории поэта следует еврейской традиции, согласно которой жертвоприношение Исаака – символ готовности к самым тяжёлым жертвам во имя преданности Богу. В этом стихотворении библейские мотивы тесно переплетаются с образами античной мифологии:

*В затылок впиивается рой
скандальных злопамятных фурий
как будто ты древний герой*
(«Февраль. От крапивы мороза»)

Фурии выполняют функцию мстителей за инаковерие, измене своим еврейским корням. Лирическая героиня интерпретирует свою жизнь «среди первобытной тоски» и окаянной пурги как жертву во имя своей веры.

В израильский эмиграции первостихия представлена в образе воздуха. Если в казахстанский период он отождествляется со свободой в выборе религиозной позиции, то в израильский – воздух для инаковерующих уже отравлен дустом:

*Скрипит каждый взгляд, провожая в нору иноверца.
Пространство и время так густо посыпаны дустом,
что воздух отравлен и в горле колотится сердце*
(«Чем меньше за выступ сознания вещей зацепилось»)

В отличие от предшествующих, в шведский период ветер выступает не столько как антагонистическая сила по отношению к лирической героине, сколько как «лекарь» ее голоса, измотанного тяжелыми жизненными препятствиями:

*Смятый голос разглядят ветра,
развернут его, словно флажок
(«Смятый голос разглядят ветра»)*

Образ ветра тесно связан также с мотивом движения оказавшейся в Швеции героини к счастью, гармонии, истине.

*Как счастье сопряжено
с холодной скоростью и риском...
Открой, пожалуйста, окно
(«Весна. Машин паровая»)*

В поэтической модели мира Р. Дериевой воздушная стихия выступает в качестве особого знака реальности. В казахстанский и израильский периоды она «фиксирует» увядание, умирание, осознание героиней хрупкости индивидуального бытия перед внешними зловещими обстоятельствами и жестоким по отношению к инакомыслящим советским временем, а также предчувствием собственной духовной гибели, в шведский, напротив, – ее возрождение и преображение на пути к Богу.

ЗЕМЛЯ

Образ земли – один из важнейших в поэзии Р. Дериевой. В одесский период первостихия связана с темой покинутой родины и потерянного рая и характеризуется максимальной сакрализованностью и чистотой. Под потерянным раем понимается прощание с грезами, уходящим гармоничным прошлым и культурой:

*К горлу подступает
комочек земли.
Когда-то и я
вырвала с корнем
цветок из родной
почвы
(«Сентенции и парадоксы на случайных листках»)*

*Не жалею меня, не надо,
писем больше не пиши.
Лишь чужой набросок сада
озаряет жизнь в глуши
(«Просьба»)*

Если в одесский период земная стихия олицетворяет собой образ потерянного рая, то в казахстанский ведущим становится пустырь. Он

ассоциативно связан с невзгодами, испытаниями, выбором лирической героиней, оказавшейся в чужой земле, собственного пути, ее духовным становлением и открытием пророческого дара:

*Я проложила собственный маршрут
по пустырям, во мгле многоугольной,
Колумбов поиск не сочтя за труд.
Куда бежал пустырь от взгляда выси,
в какой неопиcуемый предел?
Мне жаль его, но мой поступок хуже:
я знаю, что бывает, но иду
по перекиси воздуха и стужу
на самую прекрасную звезду
<...>
В конце ли века, эры ли в начале
возник пустырь, а вместе с ним и пядь,
как мера для листа. И этой пяди
я никому на свете не отдам
(«Маршрут № 9»)*

Стихия земли также представлена и образом степи. Она отождествляется со свитком, в котором изображено горькое прошлое и обнищавшее настоящее. Эти места словно созданы для слез и страданий:

*Раскатай эту степь как свиток,
подними над ней плач, кузнечик
(«Сумма ассоциаций»)*

В израильский период земная первостихия связана с мотивом добровольного ухода из сада. Лирическая героиня не может обрести пристанище, т. к. людьми отвергается связь с божественным началом. В стихотворении «Из письма» героиня отождествляет себя с листком, который оторвался от дерева в саду:

*За что метут? За разговор
листа с листом и ноты с нотой.
Кого-то прямо на костер,
кого-то просто за ворота.
«Откуда ты?» Откуда я?
Дай вспомнить, кажется из сада
(«Из письма»)*

Образ земли осмысляется и в религиозно-философском аспекте. Если в одесском периоде земная стихия связана с детородным нача-

лом, то в израильском – с угасанием человеческой жизни. Смерть является лишь переходным звеном на пути к бессмертию, где живое начало берет вверх над мертвым:

*Перехвачен бессмертием дух.
Зарастает травой овраг
(«Крестный путь»)*

Образы земли и неба противопоставлены друг другу. Лирическая героиня верит, что после ее смерти крест, который был пронесен ею через все невзгоды

*он над землей начнет расти,
и Небо будет его флагом
(«Крестный путь»)*

Противопоставление двух начал наиболее ярко проявляется в стихотворении «Пальмовое воскресение». На земле, которая стала представлять собой «пустыню демагогий», люди не желают думать о своей миссии в этом мире, отвергают Царствие Небесного. И только героиня противопоставит расцветшему безбожию, неся в руке пальмовую ветку:

*Пойдем через Сахару пустыря
и Кара-Кумы одиночной клетки
без посоха и без поводья,
а с вербной или пальмовою веткой
(«Пальмовое воскресенье»)*

С отрешением людей от Бога связан образ пустыни, которая является символом тьмы внешней и внутренней:

*Пустыня была
внутри и снаружи,
пустота
внутри и снаружи
(«А потом пошел дождь»)*

В шведский период героиня обретет утраченный рай в образе скандинавской страны:

*В Швеции почва блестит под ногами, еще
В Швеции рай – всюду ангелы и ангелицы
<...>*

*Новая родина, старая ... Их совместив,
робкий язык переходит на шелест, на трепет
крыльев архангельских, и золотой Гавриил
дует на пальцы и мягким снежком его летит
(«В Швеции почва блестит под ногами ...»)*

Образ земли у поэтессы противопоставлен небу как символу Вечности. Земное начало связано с опустошенностью, жестокостью и гнетом по отношению к творческой свободной личности. Однако испытания, выпавшие на долю героини, стали для нее этапом на пути к Небу. Она пронесла сквозь земную юдоль и через бесконечные пустыри и пустыни свою веру в Творца. И эта вера год от года только крепла.

***

Р. Дериева говорит о мире и о себе на языке природных стихий. Каждое ее стихотворение – это «краткое изложение» одного из «событий», которое так или иначе «оборачивается действием, направленным против чего-то или кого-то»²⁴. Такой главной коллизией в творчестве поэтессы является преодоление познанной в эмиграции «горечи жизни», сопротивление реальности и, как следствие противостояния, – обретение долгожданного счастья «прикосновения» к Богу как единственной для человека родины²⁵ и острова, «расцветающего среди воды»²⁶. Стихии земли, воздуха, воды, огня – амбивалентные символы в жизни героини. Это силы, которые то уничтожали, то воскрешали ее, то дарили ей покой и радость «высматривать звезды на небе» и видеть Вечность «в каждом цветке, в каждой птице, в каждой звезде, в каждом человеке»²⁷.

---

²⁴ Дериева Р. Без четверти Рай. С. 78, 82.

²⁵ Дериева Р. Облако свидетелей, или христианская ракушка // Дериева Р. Собрание дорог: В 2 т. Т. 2. – СПб., 2006. С. 99.

²⁶ Дериева Р. Другая жизнь. С. 102.

²⁷ Дериева Р. Сверх. С. 127.